

Куда ни глянь в горах, повсюду были деревья и травы. Нин Гуйчжу терпеливо осматривался по сторонам, а Сюн Цзиньчжоу шёл рядом, рассеянно скользя взглядом по окрестностям и прикидывая, не поймать ли по дороге пару диких кур или кроликов. Можно было зарезать и съесть, а можно принести домой и держать про запас на мясо.

Однако прежде, чем Сюн Цзиньчжоу заметил хоть кролика, хоть дикую курицу, Нин Гуйчжу первым обнаружил целую куртину имбиря. Он присел, раздвинул траву вокруг и принялся руками разгребать землю. Почва была влажной, но рыхлой, поэтому копать оказалось легко.

Сюн Цзиньчжоу предложил:

— Возьми лучше мотыгу.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу уже примерно определил, насколько разрослись корневища, поднялся и забрал у Сюн Цзиньчжоу мотыгу.

— Я сам.

— Ну ладно.

Сюн Цзиньчжоу остался стоять рядом и смотреть.

Мотыга вошла в землю примерно в полутора цунях от растения, и по мере работы Нин Гуйчжу постепенно показалась целая гроздь соединённых между собой корневищ. Самих растений было немного, зато под землёй разросся огромный пласт имбиря: корневища теснились одно к другому, на старом имбире уже выросла молодая, а самые нижние куски были испещрены множеством ходов, прогрызенных насекомыми. Человек с боязнью скоплений мелких отверстий, пожалуй, подпрыгнул бы на месте.

Сюн Цзиньчжоу слегка потянул нижнюю часть и сказал:

— Те, что снизу, лучше оставить. Наверное, внутри уже всё выедено.

— Можно, — кивнул Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу немного потянул сильнее и вытащил большую часть уже подкопанной грозди. Нин Гуйчжу снова присел рядом и мотыгой отломил все сильно повреждённые насекомыми куски, бросая их обратно в яму. Имбирь часто страдал от болезней и вредителей, особенно весной, когда начинало теплеть. Нин Гуйчжу долго перебирал корневища и в итоге обнаружил, что, кроме той части, которой повезло дать ростки и стать посадочным материалом,

пригодного для еды осталось совсем немного.

Яма уже была заполнена изъеденными насекомыми кусками имбиря. Нин Гуйчжу мотыгой сгрёб обратно всю только что выкопанную землю, а отобранные корневища сложил в заплечную корзину. После этого они двинулись дальше.

Растительный мир леса был богат и разнообразен. Идя рядом с Сюн Цзиньчжоу, Нин Гуйчжу совершенно не беспокоился о безопасности и мог целиком сосредоточиться на поисках нужных растений. За полдня неспешного хождения по лесу, кроме имбиря, ему удалось найти ещё бадьян и лавр.

Листья лавра - это и есть та самая пряность, которую используют в готовке. Нин Гуйчжу некоторое время разглядывал крону, затем опустил взгляд и принялся искать поблизости подходящий молодой саженец.

Сюн Цзиньчжоу тоже стал искать вместе с ним и спросил:

— Хочешь посадить дерево во дворе?

— Угу. — Нин Гуйчжу кивнул. — Лавр очень душисто цветёт. Листья можно использовать как пряность, а из цветов ещё делать лепёшки, как с османтусом. Если посадить возле навеса для мула, летом там станет прохладнее.

Первой мыслью Сюн Цзиньчжоу было:

— Тогда зачем нам саженец? Давай лучше целое дерево выкопаем и унесём.

Нин Гуйчжу:

— ...

Он повернулся и беспомощно посмотрел на него:

— Ты собрался отсюда тащить вниз взрослое дерево? Не боишься свалиться?

И правда, это было бы немного трудно. Сюн Цзиньчжоу подумал пару мгновений и вдруг вспомнил:

— А у реки ведь растёт одно. Его унести будет несложно.

— Не подойдёт, — протянул Нин Гуйчжу. — Листья коричневого дерева нельзя использовать как

лавровый лист.

Сюн Цзиньчжоу:

— ...Ну ладно.

Расстроился.

— Всё-всё. — Нин Гуйчжу наконец выбрал подходящее деревце и похлопал по стволу молодого лавра высотой примерно с человека. — Вот это уже подросло. Ещё несколько лет, и зацветёт, ждать слишком долго не придётся.

— Я выкопаю.

— Хорошо.

Пока Сюн Цзиньчжоу раскапывал землю, Нин Гуйчжу осмотрелся вокруг, сорвал несколько длинных лиан, вернулся к саженцу и начал обламывать тонкие веточки.

Сюн Цзиньчжоу удивился:

— Зачем это?

— Сейчас слишком жарко. Если пересаживать его со всеми ветвями и листьями, оно легко засохнет на солнце. Если убрать листья, будет лучше.

Пока Нин Гуйчжу объяснял, Сюн Цзиньчжоу уже выкопал деревце. Нин Гуйчжу отошёл в сторону, дождался, пока тот поднимет его, и вдвоём они принялись обрывать лавровые листья. Часть сорванных листьев сложили в полотняный мешок. Дома их можно будет вымыть, высушить на солнце и оставить на зиму.

Когда на ветвях почти не осталось листьев, Нин Гуйчжу связал их лианами, затем обвязал и корни, чтобы земля меньше осыпалась и саженец было удобнее нести по лесу. Вскоре после того, как они нашли лавр, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу наткнулись ещё и на бадьян. Сейчас плоды ещё не созрели, поэтому они лишь запомнили место и пошли дальше.

Пока они бродили по лесу, даже не углубляясь далеко в горы, Нин Гуйчжу успел увидеть немало нужных ему растений. Солодка, шнитт-лук, мята... Всё, что попадалось на глаза, он выкапывал. Растения, у которых удавалось сохранить корни целыми, складывал в заплечную корзину вместе с имбирём, чтобы вечером, когда солнце начнёт садиться, пересадить их в огород. Те же, чьи корни сохранить не получилось, отправлялись в полотняный мешок - дома их можно было обработать и приготовить.

Когда они уже собирались сделать круг и спуститься к деревне со стороны обычной дороги, Нин Гуйчжу заметил ещё и дерево танской груши. Он тут же обрадовался и потащил Сюн Цзиньчжоу собирать листья. Листья танской груши можно было заваривать и пить. Даже если не учитывать их лекарственные свойства, настой получался прохладным и сладковатым на вкус— самое то для лета.

Бамбуковая корзина и полотняные мешки были уже заполнены доверху. Нин Гуйчжу, совершенно довольный добычей, собрался возвращаться домой, но они не успели пройти далеко, как идущий впереди Сюн Цзиньчжоу внезапно остановился.

— Чжу-гер.

Он чуть приподнял подбородок, указывая вперёд и в сторону:

— Не хочешь сделать дома виноградную беседку?

Нин Гуйчжу остановился и посмотрел туда, куда тот показывал. В поле зрения показалась целая куртина виноградных лоз, на которых уже завязались маленькие ягоды. Его глаза сразу загорелись, но вскоре он немного нахмурился.

— Хотеть-то хочу, но они уже плодоносят. Если сейчас выкопать и перенести домой, разве приживутся?

Сюн Цзиньчжоу услышал только слово «хочу».

— В горах этого добра хватает. Давай попробуем посадить. Не приживётся - в следующем году ещё накопаем. А если приживётся, уже этим летом дома будут свежие ягоды.

Надо признать, его слова Нин Гуйчжу соблазнили.

— Тогда... может, потом вернёмся и выкопаем несколько лоз?

В руках у них и без того было много вещей, ещё что-то тащить вниз по горе было бы неудобно.

— Я потом один схожу. Ты дома отдохнёшь и заодно присмотришь за пшеницей. Полностью полагаться на троих малышей всё-таки не слишком спокойно.

— Хорошо.

Переговариваясь, они прошли ещё некоторое расстояние и наконец увидели следы, вытопанные прежними прохожими. По ним и спустились с горы. Стоило выйти из-под

древесной тени и пройти под солнцем всего несколько шагов, как оба уже вспотели от жары. На полях у реки ещё работало немало людей. Среди них Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу увидели Лю Цюхун. Они окликнули её и, подойдя ближе, только тогда поняли, чем она занимается.

— Матушка, зачем ты в такую жару пришла воду на поле направлять? — спросил Нин Гуйчжу.

Лю Цюхун отбросила в сторону комок земли, которым был перекрыт водный проход, и недовольно проворчала:

— Утром я приходила, всё ещё было открыто. А сейчас гляжу, какой-то негодник взял и забил наш водовод.

Ближе к реке тянулись сплошные рисовые поля: чем больше воды, тем лучше рос рис. Иногда течение в канаве становилось слабым - верхние поля напивались вдоволь, а нижние всё ещё оставались сухими. Тогда, чтобы направить побольше воды на собственный участок, кто-нибудь тайком перекрывал входы на соседние поля. Такие вещи всегда делались исподтишка: сегодня одна семья перекроет, завтра другая откроет, и в итоге невозможно понять, кто именно это устроил.

Река перед деревней Сяохэ была ответвлением большой реки и ещё ни разу не пересыхала, поэтому Лю Цюхун лишь поворчала для порядка, открыла водовод и выбралась с поля. Увидев, сколько всего несут Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу, она удивилась:

— Вы же только недавно в горы ушли. Откуда столько всего набрали? Что это вообще такое?

Сюн Цзиньчжоу чуть приподнял молодое деревце в руке и представил их главную находку:

— Лавр. Чжу-гер говорит, у него и листья, и цветы можно использовать в еде.

— Что цветы едят, я знаю. — Лю Цюхун ещё раз посмотрела на почти голое деревце. — А листья-то как есть?

Лавровые листья сами по себе вкусными не были. Если только совсем уж голод не прижмёт, в деревне никто и не подумает жевать древесную листву.

Нин Гуйчжу объяснил:

— Это пряность, как корица или сычуаньский перец. Её кладут при варке для аромата.

— А-а...

Лю Цюхун не стала особенно вдумываться, вымыла руки в канаве и протянула ладонь к Нин Гуйчжу:

— Давай, Чжу-гер, матушка поможет тебе нести один мешок.

— Спасибо, мама!

Втроем они, смеясь и разговаривая, пошли обратно. Разошлись только у переднего дома.

— Второй, Чжу-гер, вечером ничего не готовьте, слышите? Приходите есть к нам. Мясо надо поскорее доесть.

Перед началом жатвы и Сюн Цзиньчжоу, и Сюн Цзиньпин купили мяса. За два дня много съесть не успели, поэтому большую часть оставшегося отнесли в передний дом. Лю Цюхун готовила, а Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу могли спокойно отдыхать у себя и просто прийти к ужину в нужное время. Вообще-то об этом договорились заранее. Но Лю Цюхун специально напомнила ещё раз из-за того, что в обед они двое сами приготовили себе еду. Она ведь на обед мясо жарила, а эти двое, вот молодцы, даже не пришли.

Под пристальным взглядом Лю Цюхун Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу неловко улыбнулись и поспешно закивали:

— Хорошо, поняли. Обязательно придём вовремя.

— Ладно, идите домой, солнце палит, — услышав нужный ответ, Лю Цюхун удовлетворённо отпустила их.

Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу вернулись домой через маленькую калитку заднего двора и увидели троих детей, лениво сидевших в тени. Стоило показаться птице, как они тут же начинали шумно командовать собаками, чтобы те её прогнали. Даван и Эрцай на удивление охотно подыгрывали: носились прямо по пшенице и пытались схватить птиц.

Сюн Цзиньчжоу приподнял бровь:

— А кошки где?

Казалось бы, уж ловить птиц кошки должны любить куда больше.

Услышав его голос, трое детей обернулись и радостно закричали:

— Дядюшка! Учитель!

А затем ответили на вопрос:

— Саньбао и Сыси спрятались спать! Они такие ленивые!

Нин Гуйчжу положил принесённые вещи и с улыбкой объяснил:

— Кошки охотятся и играют по ночам. Днём так жарко, конечно, они прячутся и спят.

— Ночью? — повторила Сюн Иньинь и любопытно спросила: — Учитель, а кошкам ночью не кажется, что слишком темно для игр?

Нин Гуйчжу вытирал руки платком. Услышав её вопрос, он легко коснулся пальцем лба девочки и мягко сказал:

— Конечно нет. Кошки очень удивительные: они могут видеть вокруг даже тёмной-тёмной ночью.

— Ух ты-ы!

Трое детей дружно ахнули.

Сюн Цзиньбо немного подумал и спросил:

— Учитель, а собаки ночью тоже могут всё видеть?

— Да. Цзиньбо такой умный.

Сюн Чуаньшуй тут же с гордостью громко заявил:

— Конечно! Он же старший брат, значит, обязательно самый умный и самый замечательный!

Стоявший рядом Сюн Цзиньчжоу едва не рассмеялся. Ему ужасно хотелось сказать: «Твой брат умный, а ты-то чего так гордишься?», но слова уже были готовы сорваться с языка, как он всё же проглотил их. Чжу-гер ведь велел не ругаться при детях.

Нин Гуйчжу тоже рассмешили слова Сюн Чуаньшуя. Он попутно погладил мальчика по голове:

— Ладно, за домом теперь мы присмотрим. Идите играть.

— Хорошо-о!

Сюн Цзиньбо сначала будто хотел ещё что-то сказать, но, услышав, что можно идти играть, тут же выбросил все неважные мысли из головы. Он окликнул Давана и Эрчая и побежал следом за братом и сестрой, уже умчавшимися к заднему двору.

Нин Гуйчжу проводил их взглядом, затем посмотрел на Сюн Цзиньчжоу:

— Пойдём. Сначала ещё раз переверошим пшеницу, а потом надо разобрать всё, что принесли из гор.

— Угу.

Они тщательно переверошили пшеницу на сушильных циновках, после чего принялись разбирать добычу. Всё, что собирались пересаживать, пока сложили в прохладном месте, чтобы дожидаться, когда солнце опустится. Остальное тщательно вымыли: то, что можно было сушить, разложили на солнце, а то, что сушке не подлежало, убрали на кухню, чтобы позже приготовить и съесть.

Когда они наконец закончили со всеми делами, оба уже вспотели насквозь. Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу принесли стулья и уселись в глубине главного зала, обмахиваясь веерами и отдыхая в прохладе. Время от времени кто-нибудь из них вставал, чтобы проверить ту часть пшеницы, которая не попадала в поле зрения, и отогнать птиц, пытавшихся опуститься во двор.

Немного передохнув, Сюн Цзиньчжоу отложил веер:

— Я схожу в горы и принесу виноградные лозы.

Нин Гуйчжу прищурился на яркое солнце.

— В следующий раз. Сегодня уже не надо.

Он удержал уже поднявшегося Сюн Цзиньчжоу за руку, немного поколебался, поджал губы и добавил:

— Слишком жарко. И ты уже очень устал.

Сюн Цзиньчжоу хотел было возразить, что вовсе не устал, но встретился с его взглядом и увидел в глазах невысказанную тревогу и жалость. Он замер, уши постепенно покраснели.

— Угу...

А потом, словно боясь, что Нин Гуйчжу не расслышал, добавил:

— Тогда схожу в пасмурный или дождливый день.

Глаза Нин Гуйчжу изогнулись от улыбки:

— Хорошо.

День стоял жаркий, а они сидели совсем близко друг к другу. Веера размеренно двигались в руках, но даже поднимаемый ими воздух оставался тёплым. И всё же ни один из них не подумал отодвинуть свой стул подальше.

Когда Сюн Цзиньпин пришёл звать их есть, он застал именно эту картину и удивлённо спросил:

— Вам двоим не жарко?

— Нормально, — невозмутимо поднялся Сюн Цзиньчжоу. — Господин говорил: если сердце спокойно, то и телу прохладно.

Сюн Цзиньпин:

— ?

Что за бред он несёт?

— По-моему, тебя от жары уже повело. Идите в передний дом есть. Чуаньшуй разнылся, что хочет какую-то холодную лапшу. Получилось, кстати, довольно вкусно.

Нин Гуйчжу спросил:

— А ты, старший брат?

Сюн Цзиньпин забрал веер из рук Сюн Цзиньчжоу:

— Я уже поел. Не переживай.

— А, тогда до встречи, старший брат.

Услышав, что Сюн Цзиньпин уже поел, Нин Гуйчжу взял Сюн Цзиньчжоу за руку и направился с ним к переднему дому. Они ещё не дошли до места, как уже услышали, как трое детей наперебой щебечут и изо всех сил расхваливают Лю Цюхун. Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу одновременно рассмеялись и ускорили шаг. Войдя во двор, они поздоровались:

— Отец, матушка, невестка, мы пришли.

— Пришли? — Ван Чуньхуа выглянула наружу. — Чжу-гер, скорее иди сюда и попробуй, правильно ли мы сделали холодную лапшу. Эти трое заговорили все разом, будто стая уток раскрякалась, ничего понять невозможно. Мы с матушкой просто попробовали сделать как сумели.

Нин Гуйчжу рассмешило её сравнение, и он ускорил шаг, направляясь к кухне.

— Но старший брат ведь уже поел? Он сказал, что получилось вкусно.

Лю Цюхун весело рассмеялась:

— Твой старший брат совсем не такой, как второй сынок. Он что ни съест, всё ему вкусно. Я от него ни разу не слышала, чтобы он сказал, что еда невкусная.

Ван Чуньхуа тоже подхватила:

— Так и есть. Уж в этом-то деле словам твоего старшего брата верить нельзя ни капельки.

Нин Гуйчжу невольно рассмеялся.

На кухонном столе стояли большой таз и пять чашек - три большие и две маленькие. В больших чашках лежали жареная свинина соломкой, обжаренные листья салатного латука и яйца с острым перцем, а в маленьких - нарезанный зелёный лук и обжаренный свежий перец. В тазу лежала лапша, рядом - уже сваренный батат.

— Как богато, — заметил Нин Гуйчжу, взял чашку, положил туда лапшу и добавил овощи с мясом. — Давно лапшу замочили?

— Только недавно вытащили, — ответила Лю Цюхун. — Мы уже собирались варить рис, но эти трое начали твердить, что холодную лапшу есть не жарко, вот и пришлось на скорую руку замешивать тесто.

Сюн Цзиньчжоу, стоявший у дверей, услышав это, пробормотал:

— Если её только что вытащили, выходит, старший брат ел горячую лапшу?

— Ну, её всё-таки немного сполоснули в воде.

Нин Гуйчжу уже положил себе всё необходимое и не стал добавлять в чашку воду, а просто хорошенько перемешал лапшу, пока та не окрасилась соусом от жареного мяса, после чего подхватил палочками порцию и отправил в рот. Во время страды те семьи, которые могли себе это позволить, старались готовить пищу пожирнее и посолонее. Приготовленные таким образом блюда в сочетании с упругой, освежающей лапшой были просто бесподобны.

Прожевав и проглотив лапшу, Нин Гуйчжу поднял большой палец в сторону Лю Цюхун и Ван Чуньхуа:

— Вкусно. Даже вкуснее, чем у меня получилось.

— Ой, ну куда уж там! — Лю Цюхун радостно рассмеялась, но тут же постаралась сдержать улыбку и скромно отмахнулась.

Смеясь и переговариваясь, они вместе перенесли лапшу и блюда на стол. Пока взрослые смешивали лапшу, трое детей прильнули к краю стола и с любопытством наблюдали за ними.

— Учитель, а холодную-холодную воду не добавим? — недоумённо спросили они.

— И без воды очень вкусно. Разве вы не хотите попробовать? — мягко спросил Нин Гуйчжу.

Трое детей тут же перестали переживать из-за бульона и хором ответили:

— Хотим!

Нин Гуйчжу поставил приготовленную чашку холодной лапши перед сидевшим ближе всех Сюн Цзиньбо.

Холодная лапша стояла прямо перед глазами. Светло-коричневые полоски мяса в соусе, золотистые кусочки яйца и ярко-зелёные листья салатного латука перемешались с лапшой - одного вида было достаточно, чтобы слюнки потекли.

Трое детей уставились на чашку, сглатывая слюну. Ван Чуньхуа поставила ещё две чашки перед Чуаньшунем и Иньинь и со смехом сказала:

— Ну и вид у вас, будто ничего вкуснее в жизни не видели.

Услышав это, Сюн Иньинь детским голоском тут же возразила:

— Мама, учитель говорил: «народ... народ считает пищу небом»! Это вовсе не значит, что мы ничего не стоим!

— Ой-ой? — удивлённо протянула Ван Чуньхуа. — Иньинь теперь такая умная стала, что я скоро и понимать её перестану.

Внимание Лю Цюхун и Сюн Шишаня тоже переключилось на детей. Они с улыбкой стали их поддразнивать, слушая, как те тоненькими голосами объясняют вещи, которых сами взрослые толком не понимали, и только радовались. Нин Гуйчжу сидел рядом с Сюн Цзиньчжоу и с улыбкой наблюдал, как все забавляются с детьми. Иногда он наклонялся к уху Сюн Цзиньчжоу и тихо поправлял смысл, который трое малышей пересказывали неправильно.

На губах Сюн Цзиньчжоу всё это время держалась улыбка.

Пока они разговаривали, Ван Чуньхуа незаметно взяла одну большую и одну маленькую чашку и тихо вышла со двора - хотела отнести Сюн Цзиньпину немного холодной лапши, чтобы он тоже попробовал.

Ужин прошёл быстро. Когда Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу вернулись домой, солнце уже клонилось к закату. Сюн Цзиньпин размахивал цепом, выбивая зерно из колосьев, а Ван Чуньхуа держала охапку уже обмолоченной соломы и, присев рядом, выбирала оставшиеся зёрна.

Увидев это, Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу поспешили подойти и помочь.

<http://bllate.org/book/14958/1989296>